

«Я считаю, что эта книга — первая попытка повернуть в другую сторону движение мысли, которое происходит с самого зарождения философии... В высшей степени гениальная книга». — К. С. Льюис

ИЕРАРХИЯ НЕБА И ЗЕМЛИ

НОВАЯ СХЕМА ЧЕЛОВЕКА
ВО ВСЕЛЕННОЙ

Д. Э. ХАРДИНГ

Дуглас Хардинг

**Иерархия Неба и Земли.
Часть I. Новая схема
человека во Вселенной**

«ИД Ганга»

1998

УДК 294.321
ББК 86.35

Хардинг Д.

Иерархия Неба и Земли. Часть I. Новая схема человека во Вселенной / Д. Хардинг — «ИД Ганга», 1998

ISBN 978-5-907432-76-5

«Иерархия Неба и Земли» — фундаментальный труд Д. Э. Хардинга (1909-2007), представляющий собой революционный вклад в новую космологию. Проведя самостоятельное исследование, применяя к себе научный метод, в Центре, Хардинг обнаружил, что был пуст, лишен материи, лишен ума — однако эта пустота была осознающей и включала в себя все. И хотя идея центра предполагала некую точку, исследование показало, что это центральное сознание повсюду и наводит жизнь каждый уровень вселенной. Для других он был многослойной системой видимостей, окружающих непостижимую тайну, а для себя самого он и был той тайной, тем невидимым корнем, из которого произрастает Вселенная, — Вселенная, которая очень отличается от нашей версии, созданной «здравым» смыслом, устроенная иерархически. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 294.321
ББК 86.35

ISBN 978-5-907432-76-5

© Хардинг Д., 1998
© ИД Ганга, 1998

Содержание

Предисловие	7
Введение	8
Иерархия Неба и Земли	15
Предисловие	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дуглас Хардинг

Иерархия Неба и Земли. Часть I

D. E. HARDING

THE HIERARCHY OF HEAVEN AND EARTH

A NEW DIAGRAM OF MAN IN THE UNIVERSE

A REPRODUCTION OF THE ORIGINAL TYPESCRIPT

Перевод с английского М. Русаковой

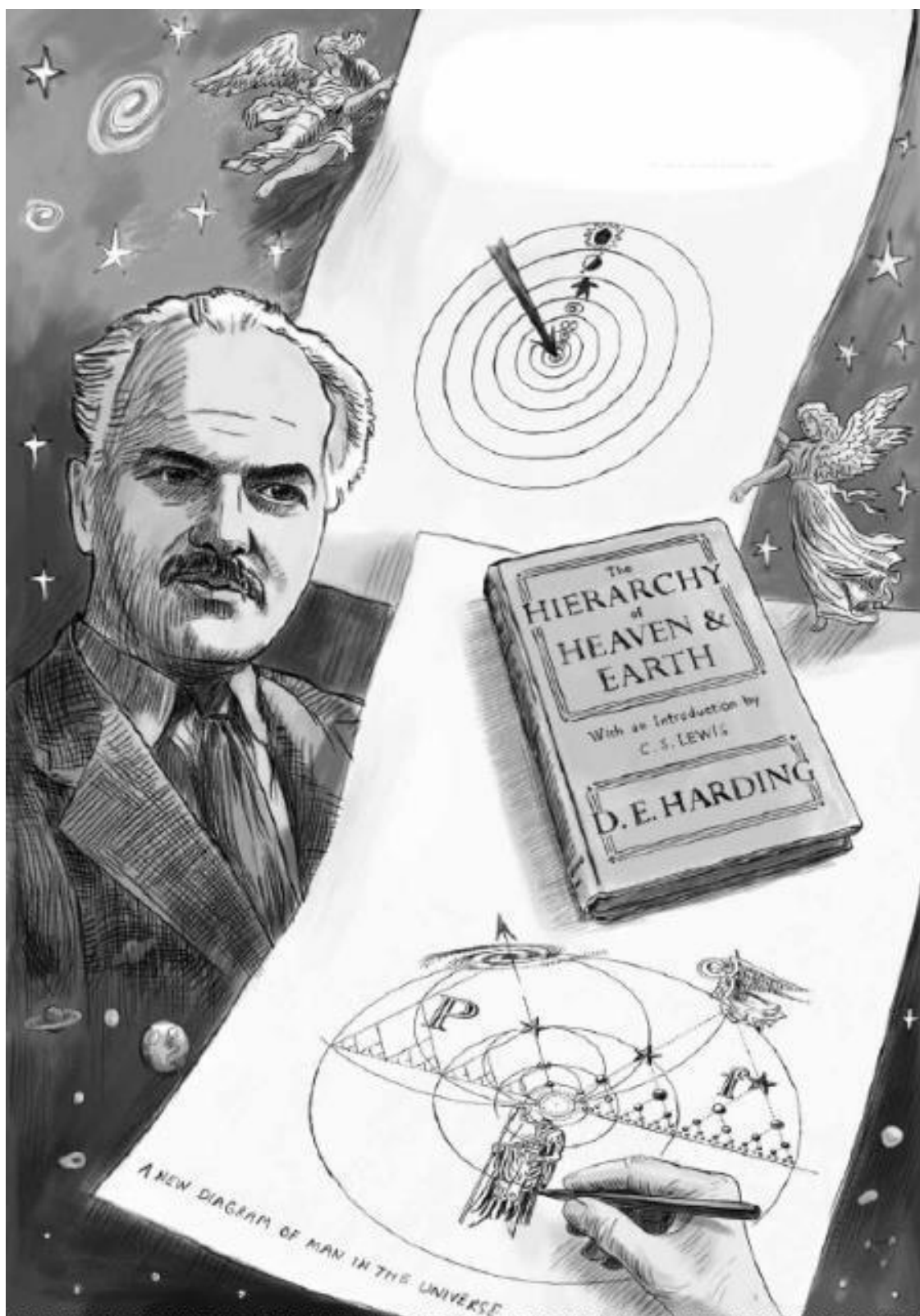
Рисунки автора

Дуглас Хардинг (1909–2007) – английский философ, который разработал современную карту нашего места во вселенной

© The Shollond Trust, 2021

© ООО ИД «Ганга». Перевод, издание на русс, яз, оформление, 2022

Предисловие

Во-первых, я хотел бы поблагодарить своего друга Джулиана Ватсона за то, что он столь щедро взялся за большую и сложную работу по выпуску этой факсимильной версии полного варианта моей «Иерархии Неба и Земли». Я считал изначальную версию необходимой, но невозможной предварительной версией сокращенного варианта, который был сначала опубликован в 1952 году издательством Faber and Faber, затем Harper and Bow и теперь – Университетом Флориды. Но я так рад, что Джулиан меня переубедил.

Мы оба надеемся, что потенциальные читатели сокращенной «Иерархии», которые называют ее «тяжелой» (я думаю, имея в виду ее компактность, а не альтернативное значение этого слова в моем [английском] словаре – непроходимо глупой!), найдут этот относительно неприужденный и многословный – если не сказать болтливый – вариант более удобоваримым. Мы также надеемся, что некоторые друзья перейдут от «Жизни без головы» и более поздних моих книг сразу к этому полному изданию «Иерархии», пропуская более короткий вариант.

Во-вторых, несколько слов о том, как читать эту книгу. Даже в этом «разжиженном» издании можно встретить некоторые трудные места. Мой вам совет – просто проскочите их. Вскоре вы ступите на более твердую почву. И запомните, что в этой книге есть некоторые (не столь важные) моменты, которые я и сам не до конца понимаю и с которыми я также не совсем согласен. В этом я беру пример с Роберта Браунинга, который, когда его попросили объяснить несколько трудных строчек из одного его стихотворения, ответил: «Когда я их писал, – и я, и Бог – оба знали, что я имею в виду. Теперь знает только Он».

Дуглас Хардинг, 1998

Введение

«Иерархия Неба и Земли» была впервые опубликована издательством Faber and Faber в 1952 году. Однако это был не первоначальный вариант, а сокращенная версия гораздо большей работы, которую Дуглас Хардинг считал слишком объемной для издания. Закончив первоначальную рукопись, он сократил ее до размера, пригодного для публикации – сам по себе солидный труд, с которым он великолепно справился. Сокращенная версия не только достоверно представляет идеи первоначальной рукописи, она также написана прекрасным языком. Однако из-за того, что это сжатая версия книги, некоторым людям она дается нелегко – из-за ее перенасыщенности глубокими идеями.

Когда я впервые прочитал вариант, опубликованный издательством Faber and Faber в начале 1970-х, у меня было преимущество – я был знаком с Дугласом Хардингом и мог обсуждать с ним идеи книги. Но вот однажды Дуглас показал мне первоначальный вариант, «Большую Иерархию», как он ее называл. Я был поражен. Я и не знал, что книга, которую я читал, была всего-навсего сокращенным вариантом. Я понял, что мне нужно прочитать эту рукопись. И в 1976 году я прожил у Дугласа две или три недели и прочел ее от корки до корки. Это было незабываемо. Одни только цитаты, расположенные на полях каждой страницы, многого стоили. И, несмотря на внушительный размер книги, я обнаружил, что не могу от нее оторваться. Увлекаемый энтузиазмом и вдохновением автора, я проглатывал главу за главой, испытывая радость и изумление от того, что мне вновь и вновь открывали глаза на вселенную и мое место в ней. И хотя книга глубокая, читать ее легко. В отличие от сокращенного варианта, повествование развивается в спокойном темпе, неспеша вдаваясь в подробности.

Книга, которую вы сейчас держите в руках, – воссозданная версия всей большой «Иерархии» целиком (с уменьшенным размером страниц). Этот труд впервые стал доступен широкой публике.

Это волнующий момент. В связи с дороговизной проекта, было напечатано всего триста экземпляров книги, но мы надеемся, что, тем не менее, она будет оценена по достоинству. Быть может, в будущем эту книгу признают одним из величайших интеллектуальных вдохновений и достижений XX века. К.С. Льюис¹ прочел только сокращенный вариант, но он признал его величину, написав в предисловии: «Я считаю, что эта книга – первая попытка повернуть в другую сторону движение мысли, которое происходит с самого зарождения философии».

Затем он добавил: «Если она (эта книга) окажется даже далекой претечей какого-либо устройства, которое вновь даст нам достоверную вселенную, населенную достоверными деятелями и наблюдателями, – это все равно будет действительно очень важная книга».

Далее он продолжал: «Она также оставила мне бодрящее и живительное чувство удовлетворения, которое при чтении некоторых философских книг, похоже, отчасти не зависит от нашего согласия или несогласия с автором. Это опыт, легче всего выделяемый, если вспомнить, что случалось с нами всякий раз, когда мы от посредственных толкователей той или иной системы переходили к знакомству с ее ведущими деятелями. Я испытал это, когда перешел от рядовых «экзистенциалистов» к самому г-ну Сартру, от кальвинистов к «Institutio», от «трансценденталистов» к Эмерсону, от книг о «Платонизме Возрождения» к Фичино. Можно продолжать не соглашаться с ними (я, например, полностью не согласен со всеми авторами, кото-

¹ Клайв Стейплз Льюис (англ. Clive Staples Lewis; 1898–1963) – британский писатель, поэт, преподаватель, учёный и богослов ирландского происхождения. Наиболее известен своими произведениями в жанре фэнтези, среди которых «Хроники Нарнии», «Письма Баламута», «Космическая трилогия», а также книгами по христианской апологетике, такими как «Просто христианство», «Чудо», «Страдание». Льюис был близким другом другого известного писателя – Дж. Р. Р. Толкина. В 2013 году, в дату 50-летия его смерти, в его честь был установлен мемориал в Уголке Поэтов в Вестминстерском аббатстве. Работы Льюиса переведены более чем на 30 языков. – *Википедия*

рых только что назвал), но зато впервые видишь, почему же кто-то вообще с ними соглашался в принципе. Словно вдыхаешь свежий воздух, ступаешь на новую территорию. Это может быть территорией страны, в которой вы не можете жить, но теперь вы знаете, почему ее любят местные жители. Отныне вы всегда будете видеть все системы немного иначе, т. к. вы увидели одну из них изнутри. С этой точки зрения философия обладает некоторыми качествами, свойственными произведениям искусства. И я имею в виду не литературное искусство, посредством которого они могут быть, а могут и не быть, выражены. Я имею в виду *ipseitas*, причудливое единство эффекта, вызванное особым равновесием и расположением мыслей и классов мыслей: удовольствие, очень похожее на то, что могла бы дать „Игра в бисер“ из одноименной книги Г. Гессе, если бы она вообще существовала. Подобным опытом я и обязан г-ну Хардингу».

Поистине высокая похвала. Но кто же такой г-н Хардинг и что привело его к написанию «Иерархии Неба и Земли»?

Дуглас Хардинг родился в 1909 году и вырос в Лоустофте, графство Саффолк. Его родители принадлежали к «Привилегированной Братии Плимута», небольшой фундаменталистской христианской секте. Его детство было полно разных запретов – романы не одобрялись, о театре не могло быть и речи. Тем не менее, Хардинг получил образование, и уже в раннем возрасте проявил способности к коллекционированию и изучению – бабочек, окаменелостей и пр. – и много обо всем этом читал. В 15 лет он отличился на экзаменах, отчасти благодаря тому, что умел систематично организовывать свои занятия. Особенно ему давались искусство и геометрия. Эти зарождающиеся интересы и организаторские способности позже сыграли роль и в его карьере архитектора, и в написании «Иерархии».

В двадцать один год Хардинг покинул ряды «Братии Плимута». Будучи к тому времени архитектором в Лондоне, он написал эссе, в котором бросал вызов заявлению Братии о том, что она – единственная владелица истины. В типичной для него манере Хардинг не сделал это незаметно. Он публично объявил о своих разногласиях и был отлучен от секты – как в то время поговаривали среди ее членов, этот случай был одним из худших. Он был с позором выгнан из своей квартиры, принадлежащей Братии Плимута, а затем и из следующей – случайно оказалось, что домовладелица также состоит в Братии.

Отец Хардинга, искренне духовный человек, был в отчаянии от ухода своего сына из секты и от его открытости другим религиям, помимо христианства. Он отчаянно пытался отговорить Дугласа свернуть с пути, который ведет его в Ад. Он плакал. Он говорил, что уйти – хуже, чем совершить убийство. Но переубедить сына ему не удалось. После этого Хардинг до самой смерти отца виделся с ним лишь изредка. И все эти годы Хардинг был в опале. После похорон отца ему запретили приходить на поминки. Братия ничего не забыла.

Однако мы забежали вперед. Пока же Хардинг жил в Лондоне. Был 1930 год и он, начав работать архитектором, в свободное время читал. Освободившись от влияния Братии, он стал разрабатывать собственную философию. Ему было интересно познать себя. Кто он такой? На философию того времени оказывали влияние идеи Эйнштейна об относительности. Под влиянием этих новых идей Хардинг осознал, что то, чем он являлся в мире, отчасти зависело от расстояния, на котором находился наблюдатель – от соотношения с тем расстоянием, с которого на него смотрели. На расстоянии нескольких футов он явно был человеком, но на более близком расстоянии он представлял собой скопление клеток. Работая в Лондоне, в Сити, он также осознавал себя частью большего организма – города. Он осознал и то, что не ограничивается своей кожей. Город, который, хотя его обычно и считали внешним, был такой же частью его самого, как его руки или клетки. Он так же не мог существовать без своего окружения, как без своего сердца или без клеток своего сердца.

В конце 1930-х Хардинг работал архитектором в Индии – из-за Великой Депрессии трудно было найти работу в Англии. Когда началась война, его призвали в армию инженером.

Война лишь усилила его поиск самопознания – японцы наступали на Бирму, и все в жизни казалось зыбким. Он хотел узнать, кто же он такой, прежде чем умрет.

К 1942 году Хардинг, которому теперь было 33 года, приблизительно уяснил для себя слои своей личности в мире. Оказалось, что при рассмотрении с близкого расстояния он представлял собой скопление клеток; с еще более близкого расстояния – скопление молекул; с расстояния нескольких футов – человека; с большого расстояния – человечество; с еще большего расстояния – планету и т. д. Но что же было центром и источником этой похожей на луковицу системы внешностей? Кем он был на самом деле? Это стало насущным вопросом Хардинга, его одержимостью. Его центром точно не был он сам как человек – его «человечность» была лишь одним из его слоев, но не центром.

Однажды Хардинг читал книгу по философии и обнаружил автопортрет немецкого философа Эрнста Маха. Это был не обычный автопортрет, срисованный с зеркала, с вида самого себя с расстояния нескольких футов. Это был взгляд Маха на себя с нулевого расстояния, так, как он видел себя, без зеркала, с его собственной точки зрения от первого лица. На автопортрете ноги Маха были направлены кверху рисунка, ниже шли его руки, держащие карандаш и бумагу, ниже – его грудь, и по одной стороне рисунка – его нос, который тянулся практически от потолка до пола. Этот рисунок стал тем толчком, который заставил Хардинга, пусть и с опозданием, осознать, чем же он является в собственном центре – и, по его словам, этот процесс еще не закончен! Как и Мах, когда он смотрел на мир вблизи его, он видел свое тело, а за его пределами – окружающую обстановку. Но особенно внимание Хардинга привлекло отсутствие на рисунке у Маха его головы, а также своей собственной головы, когда он сам на себя смотрел. А ближе, чем «расплывшееся пятно его носа», не было видно ничего – ни головы в центре, ни лица, ни формы, цвета или краев, ни материи, или духа, или души – вообще ничего. Однако это «ничто» было самоочевидно осознающим – оно осознавало себя, и осознавало то, что оно содержало: свое тело, свои мысли и чувства, свой мир.

Хардинг понял, что нашел золотую жилу, и провел следующие несколько месяцев в лихорадочной активности, записывая тот настоящий поток идей и схем, которые сам же выдавал. Он не спал полночи, полный решимости записать все, что лилось сквозь него рекой. Это простое откровение, это прямое видение собственной сущности, вдруг прояснило многое из того, что он читал и о чем думал раньше. Вскоре он понял, что если хочет серьезно представить это откровение миру, ему нужно гораздо лучше разбираться в науке, истории, психологии, философии, литературе. Ему нужно было заняться самообразованием. Вернувшись в Англию после войны, он на год бросил архитектуру и взял отпуск, чтобы учиться и собрать все идеи в книгу. Этот год перерос в два, они, в свою очередь, – в пять, и даже больше! Он работал по четырнадцать часов в день без выходных. Когда он, наконец, закончил свой труд, он сократил его, понимая, что полный вариант слишком длинный для того, чтобы его взял какой-либо издатель. Он послал этот сокращенный вариант К. С. Льюису. Тот восторженно ответил:

«Черт побери, Вы заставили меня опьянеть, так мертвецки опьянеть от книги (я имею в виду философскую книгу; художественная литература – другое дело), как мне не удавалось с тех пор, как я прочитал Бергсона во время первой мировой войны. Кто Вы или что Вы? Как я прожил сорок лет, никогда о Вас не слышав... мне кажется, что Вы написали в высшей степени гениальную книгу».

Этот вариант «Иерархии Неба и Земли» был опубликован издательством Faber and Faber в 1952 году.

Но на этом Хардинг не остановился. Через несколько лет его классическая книжечка «Жизнь без головы» описала в простой, доступной форме опыт и некоторые результаты «безголовости». В начале книги Хардинг описывает тот момент, когда он обнаружил, кто же он на

самом деле. Он пишет, что путешествовал по Гималаям. Но если у него спросить, то он скажет, что, действительно, тогда все это испытал, наслаждаясь тем, как его истинная природа наполняет величественные горы, но, на самом деле, это с ним было не впервые – если не считать того, что каждый раз, когда видишь свою истинную природу, это как в первый раз! Это был доступный способ поделиться своим опытом. Вот его описание этого пробуждения в «Жизни без головы»:

«Лучший день моей жизни – день моего, так сказать, перерождения – наступил, когда я обнаружил, что у меня нет головы. Это не литературный прием, не хитрый ход, замысленный, чтобы вызвать интерес любой ценой. Я говорю абсолютно серьезно: у меня нет головы.

Это открытие я сделал восемнадцать лет назад, когда мне было тридцать три года. И хотя это событие произошло совершенно неожиданно, оно стало ответом на настойчивое исследование: в течение нескольких месяцев я был поглощен вопросом «Кто я?». Тот факт, что я тогда путешествовал по Гималаям, вряд ли имел к этому какое-то отношение, хотя говорят, что в тех местах необычные состояния сознания не редки. Как бы то ни было, очень тихий ясный день и вид с того горного хребта, где я стоял, на затянутые дымкой долины и высочайшую горную гряду в мире, среди заснеженных вершин которой не выделялись Канченджанга и Эверест, создавал обрамление, достойное величайшего видения.

Случившееся было до нелепости простым и непримечательным: просто на мгновение я перестал думать. Меня охватила странная тишина, своеобразный вид осознанной расслабленности или оцепенения. Рассудочность, воображение и вся мысленная болтовня затихли, слова иссякли по-настоящему. В кои-то веки у меня не было слов. Прошлые и будущее исчезли. Я забыл кем и чем я был, свое имя, свою человеческую и животную природу, все то, что могло называться мной или моим. Я будто заново родился в тот миг, свободный от ума и всех воспоминаний. Существовало только Сейчас, тот настоящий момент и все, что несомненно присутствовало в нем. Было достаточно просто смотреть. И вот что я увидел: брюки цвета хаки, заканчивающиеся внизу парой коричневых ботинок, рукава цвета хаки, заканчивающиеся по сторонам парой розовых кистей, и перед рубашки цвета хаки, заканчивающийся наверху... абсолютно ничем! Уж точно не головой.

Мне не потребовалось много времени, чтобы заметить, что это ничто, эта дыра там, где должна была быть голова, была не просто пустым местом, не просто ничем. Напротив, она была полностью заполнена. Это была обширная пустота, наполненная до предела, ничто, включающее в себя все – траву, деревья, тенистые холмы вдаль и высоко над ними снежные вершины, плывущие в синеве неба подобно стае угловатых облаков. Я потерял голову и обрел целый мир.

У меня буквально захватило дух. Казалось, я вообще перестал дышать, поглощенный Данностью. Он был здесь, этот великолепный вид, ярко сияющий в прозрачном воздухе, ничем не дополненный и не поддерживаемый, загадочным образом висящий в пустоте и – что было по-настоящему чудесно, волшебным и прекрасно – совершенно свободный от «меня», незапятнанный никаким наблюдателем. Его абсолютное присутствие было моим абсолютным отсутствием, телом и душой. Легче воздуха, прозрачнее стекла, полностью свободный от себя, я не находился нигде вокруг.

Но, несмотря на магический, сверхъестественный характер этого видения, оно не было ни сном, ни эзотерическим откровением. Напротив, оно ощущалось как внезапное пробуждение от сна обыденной жизни, окончание сновидения. Это была самосветящаяся реальность, свободная от затуманивающего ума. Это было открытие совершенно очевидного, момент ясности в запутанной истории жизни. Я перестал игнорировать то, что всегда, по крайней мере, с раннего детства, не замечал, потому что был слишком занят или слишком рассудителен. Это было чистое, необусловленное внимание к тому, что всегда смотрело мне прямо в лицо, – моей абсолютной безликости. Говоря кратко, это было совершенно просто, ясно и прямо, вне суждений, мыслей и слов. Не возникало ни вопросов, ни ассоциаций, помимо самого переживания, – только покой и тихая радость и ощущение, что с меня спала невыносимая ноша»².

Конечно, затем Хардинг взвалил на себя тяжкую ношу и выдвинул будоражащие доводы – при помощи огромного множества мыслей и слов, поднимая бесчисленные вопросы и обращаясь практически ко всему, что существует под солнцем! Однако он хорошо осознавал ограниченность слов и философских систем. Его заключительный абзац эпилога в варианте «Иерархии» издательства Faber описывает подобные ограничения:

«Если Всевышний, к Бытию которого мне дозволено приобщиться, не полностью меня унижает – делая это исследование абсурдным, пусть и необходимым абсурдом – то что же еще, кроме Него, может вызвать мое изумленное благоговение? Мое лучшее и самое захватывающее открытие – в том, что, так как все мои корни сокрыты в Необнаруживаемом, я тоже «необнаруживаем»: я не поддаюсь опознанию, и сам ничего в себе не понимаю. Самопознание – это тлеющий фитиль, который остается после того, как потух свет изумления. Как только Вселенная становится правдоподобной, как только я начинаю всерьез думать, что кое-что знаю о себе, я вновь впадаю в полумертвый ступор. Не утешает и то, что я сбежал от удивления в мысль – изумление и любовь вдохновляют на создание обширных подземных систем, где можно укрыться от изумления и любви; однако те, кто не охвачен строительным энтузиазмом, остаются на поверхности и подвержены воздействию Господних стихий и чувствуют дуновение Его ветра на своих лицах. Если эта книга потушит даже слабейшее пламя благоговения и прямого осознания, во мне самом или ком-то другом, тогда было бы лучше, если бы она никогда не была написана».

С 1960-х Хардинг разрабатывал эксперименты. Это простые тесты или исследования того, что вы и кто вы согласно вашему собственному опыту. В ходе них нужно на время отложить в сторону посторонние мнения о вас и искать себя самим. Эти эксперименты ведут нас домой, к нашему нынешнему переживанию самих себя. Они являются прорывом с точки зрения того, чтобы предоставить большему количеству людей научно обоснованным способом то, что мистики прославляли на протяжении веков, и то, что Хардинг открыл своим собственным уникальным образом. Хардинг не только пишет, он также путешествует по миру и устраивает тренинги с применением этих экспериментов. Цель таких тренингов – вновь пробудиться к тому, кем мы являемся в своем центре, по контрасту с тем, чем мы кажемся другим (с какого бы то ни было расстояния). Таких экспериментов дюжины, но здесь – чтобы дать о них представление – я привожу четыре из них, очень кратко и просто изложенных:

² Перевод Н. Гориной, «Жизнь без головы».

Видение. Сначала укажите на ваши ступни, затем на ваши ноги, затем на ваш торс, отмечая при этом, что вы указываете на объекты.

Теперь укажите на ваше «лицо». Отказавшись от памяти и воображения, можете ли вы сказать, что вообще на что-либо указываете, не говорят уже о лице? Не являетесь ли вы Пространством для лиц других людей, а также иногда и для вашего собственного, в зеркале?

Закрытые глаза. Закройте глаза, откажитесь от памяти и воображения и посмотрите, есть ли у вас сейчас какие-нибудь границы, находитесь ли вы в каком-либо ящике или теле. Не похожи ли вы больше на Пространство Комнаты для преходящих ощущений, мыслей и чувств; на Тишину для звуков; просто на Вместилище для всего, что вы испытываете?

Мысли и *чувства*. Можете ли вы обнаружить какие-либо мысли и чувства, которые не изменчивы и не принадлежат объективному миру? Есть ли что-нибудь, что было бы центральным и неменяющимся, кроме вашей Осознанности, этого ощущения Бытия или того, что «Я Есть»?

Движение. Стоя, укажите на свой центр, на вашу «безликость», и повернитесь на одном месте. Это вы движетесь – или это комната движется через вашу центральную неподвижность? Когда вы идете, ведете машину, летите – действительно ли вы сдвигаетесь хоть на дюйм? Не правда ли, что это местность проносится мимо окна автомобиля, а не вы – мимо местности? Какие перемены могло бы подобное осознание привнести в нашу заполненную делами жизнь?

Жизнь и работа Хардинга объединяют науку и религию. Хардинг всегда был глубоко религиозным и духовным человеком. Это у него в генах, в роду. В детстве глубокое впечатление на него произвело христианство. Однако в некотором смысле именно наука привела его к Богу. Его основным путеводителем – свидетельства органов чувств, а не то, что унаследовано верованием. Современная наука появилась к концу средних веков отчасти как реакция на умозрительные размышления схоластов, которые, как повествует предание, однажды поспорили, сколько же ангелов могут танцевать на острие булавки. Они не доверяли своим чувствам настолько, чтобы просто посмотреть – их авторитетом было Священное писание. Галилей и другие ученые бросили вызов церковной догме, проводя опыты. Если хочешь знать, падает ли большой камень с другой скоростью, нежели маленький, сбрось оба одновременно с Пизанской башни и смотри! В этом и есть дух современной науки в действии – доверять своим органам чувств. Не просто размышляйте, а экспериментируйте. Не просто думайте, а смотрите. В поиске знаний наука наблюдает за вещами, срывая с них покров за покровом по мере того, как она рассматривает их ближе, соединяя многие вещи в одно целое, отходя на более дальнее расстояние наблюдения.

Хардинг присоединился к этому научному поиску познания мира, основанному на свидетельствах органов чувств. Но он также дополнил то, что делала наука, – он посмотрел прямо на ту часть мира, коей был сам, – не со стороны, а изнутри. Он всерьез воспринял свою субъективную точку зрения на самого себя. Это было не дальнейшее развитие (чужих) идей, но прямой подход, основанный на фактах. Он повернул стрелу внимания на 180 градусов – от наблюдения за объектами и их взаимоотношениями там, на расстоянии, к наблюдению за собой с нулевого расстояния. Он перескочил от себя как объекта к себе как субъекту. Применяя научный метод к себе, в Центре, он обнаружил, что был пуст, лишен материи, лишен ума – однако эта пустота была осознающей и включала в себя все. Для других он был многослойной системой видимостей, окружающих непостижимую тайну, но для себя самого он и был той тайной, тем невидимым корнем, из которого произрастает Вселенная. И эта центральная тайна не была сокрытой. Она была – она и сейчас – открыта для рассмотрения. Научное наблюдение привело Хардинга к Блаженному Видению религии, к сердцу материи, которое есть дух, осознание, Бог...

Таким образом, Хардинг обнаружил вселенную, которая очень отличалась от нашей версии, созданной «здравым» смыслом. В последней, на которую повлияло ньютоновское описа-

ние реальности как объектов, взаимодействующих с другими объектами, мало или совсем нет места для сознания или субъективности. Это по большей части мертвый и лишенный центра космос, с вкраплениями сознания здесь и там (которые при рассмотрении оказываются неразличимыми). Хардинг обнаружил, что наблюдает за миром таким, каким он представлялся на самом деле (любому наблюдателю, где бы он ни был) – расположенным слоями, подобно луковиче, вокруг сознания. Переключаясь с донаучным средневековым космосом Данте, с его «сферами», или с космосом времен Елизаветы, с его «цепочкой бытия», научный космос, который открылся Хардингу, был организован иерархично – чем дальше слой был от центра, тем выше его статус. Посмотрев вниз, Хардинг видел свое (безголовое) тело, появляющееся из этого центрального сознания. Посмотрев наружу, он видел людей, дома, всю остальную обстановку человеческой жизни. Посмотрев вверх, он видел планетарные, солнечные и галактические тела. И хотя идея центра предполагала некую точку, исследование показало, что это центральное сознание повсюду, что оно наводит жизнь каждый уровень вселенной.

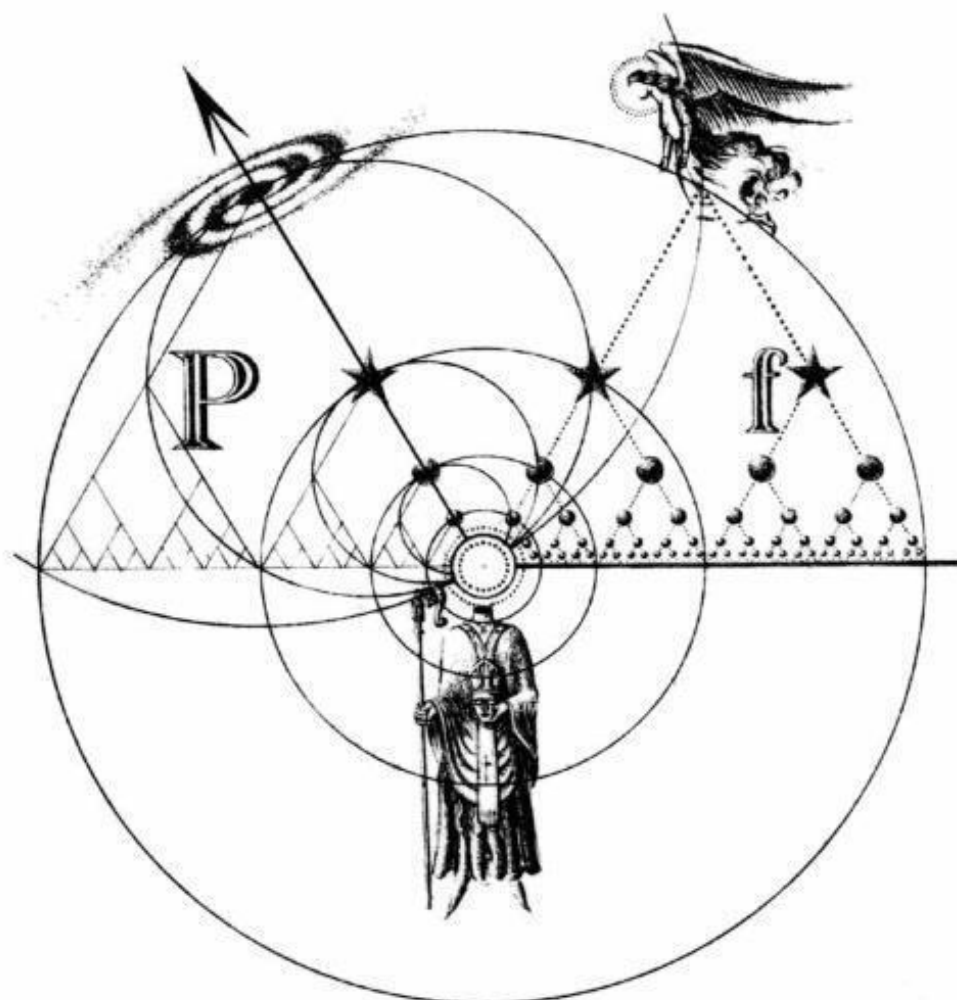
Итак, здесь представлен внушительный вклад в новую космологию, которая проявляется на этой планете по мере того, как мы движемся к следующему тысячелетию. Эта космология основана на свидетельствах наших органов чувств, что также является основой науки. Однако наше зарождающееся видение того, кто мы есть, вовсе не подразумевает, что нужно отказаться от традиции просто из принципа. Это новое видение – просто наш современный жест, приближающий нас к пониманию мира, на основе того, что мы знаем – так же, как наши предки пытались понять мир в силу своих возможностей. Мы надеемся, что издание этого первоначального варианта «Иерархии Неба и Земли» поспособствует зарождению и появлению нового способа понимания того, кем мы являемся и где находимся.

Ричард Ланг

Иерархия Неба и Земли

Новая схема человека во Вселенной

Д. Э. Хардинг

Предисловие

Эта книга была начата несколько лет назад. Она возникла в ответ на общественный кризис и личную потребность – потребность переосмыслить, пока еще на то было время, потребность выяснить, как много и как мало я на самом деле знал о самом себе и вселенной, в которой я каким-то образом оказался. Было жалко умирать, не успев ощутить удивление от того факта, что я жив, или проявить деятельный интерес к тому, что же собой представляет человек – если он вообще что-то из себя представляет. И хотя данная книга сильно переросла мои первые потуги справиться с таким положением, все же она остается попыткой ответить на вопрос: «чем я являюсь?» «Чем бы ни была загадка человечества, ей я и являюсь»³.

³ Кристофер Фрай, «Венера под наблюдением», III. И ранее в той же пьесе: «Чем же в этом мире является человек? Что касается меня, я именно этим вопросом и являюсь: я существую, чтобы знать, что я существую в вопросительной форме».

Чем является человек? Это загадка, которую каждый, пусть и пользуясь всей доступной помощью со стороны, должен решить по-своему. Мое решение (если его можно так назвать) не подойдет полностью кому-либо еще, и я его здесь предлагаю больше в качестве воодушевляющего примера, нежели руководства. В любом случае, у меня нет полной, самосогласованной, завершенной системы, а есть лишь замысел определенной философии. Природа человека – тема загадочная и неиссякаемая, о которой я не хочу говорить категорически. Хотя я могу согласиться с Торо, что «Я бы не говорил так много о себе, если бы был кто-то другой, которого я бы знал так же хорошо»⁴, все же должен признаться, что сам себе все больше кажусь незнакомцем. Из двух типов людей – тех, кто отказывается следовать совету «познай себя», и тех, кто воображает, что уже сделали это – второй, видимо, менее мудрый. Знание, неуравновешенное знанием собственного невежества, – лишь мертвый груз.

«Старое описание философа как того, кто пытается «постоянно видеть жизнь и видеть ее в целостности», быть может, сегодня не совсем актуально. Но, что, быть может, важнее, оно больше соответствует этимологии, принятому применению в языке и традиции возрастом в 2500 лет». (Профессор К.А. Кэмпбелл, *Философия*, апрель, 1950)

Уильям Джеймс заметил, что философия продолжает действовать так, будто настоящие особенности мира не имеют значения. «Но они не могут не иметь значения, и философия будущего должна подражать наукам, все больше и больше принимая их во внимание». (Плюралистическая Вселенная)

А. Дж. Айер, *Язык, истина и логика*: Если можно сказать, что наука слепа без философии, то также верно, что философия практически пуста без науки».

Это философская книга, но, во избежание недоразумений, я должен объяснить, что понятие «философия» так, как я его использую, имеет значение, которое в наши дни не всегда принимается. Во-первых, я по возможности избегаю метафизики, которая, будучи отдаленной от конкретных сведений о природе, теряется в тумане слов. Философию определяли как сумму научных знаний или как попытку объединить науки⁵. Мое намерение не столь амбициозно, однако я действительно хочу предложить пути, следуя которым основные выводы отдельных наук однажды объединятся в одну Науку. Во-вторых, эта книга – практичное начинание. Многие философы, в том числе и самые великие, считали, что философия – больше, нежели просто размышление о важных вещах: она требует и включает также соответствующие способы поведения. Я еще буду много говорить на эту тему. В-третьих, эта книга гипотетическая – и, надеюсь, смелая в своих предположениях. Хотя в основном я согласен с Сэмюэлом Александером, что «истинная или конкретная мысль привязана к природе»⁶, я не смею заявлять, что все мои воздушные шары – пленники. Некоторые из них уносит в небо. Но не является ли вид, открывающийся сверху, – самая широкая перспектива – именно тем, что нам нужно, если мы собираемся найти себя во вселенной? В настоящее время мы не знаем где мы, хотя очевидно, что не дома⁷. Философия не оправдала наших ожиданий. В дневниках Кьеркегора он делает весьма проницательное замечание, что «В отношении к своим системам большинство систематизаторов подобно человеку, который построил огромный замок, а сам живет рядом в лачуге». На самом деле нам нужен не замок и не лачуга, а дом во вселенной – нечто среднее между хибарой и столь же непригодной для жизни гостиной; что-то, что не является ни кос-

⁴ Уолден, «Экономия».

⁵ См. Паулсен, *Введение в философию*, от с. 33.

⁶ *Пространство, время и божество*, с. 204.

⁷ «Жители не интересуются вселенной, у них есть более важные дела. Конечно, они знают свое место на карте... но во вселенной они совершенно потеряны». Л.П. Джэкс, *Легенды Смокоувера*, с. 14.

мической трущобой скептика, ни аккуратными (но иллюзорными и непрочными) построениями метафизика-теоретика. Я считаю, что нам остро не хватает картины мира, в которой наши собственные жизни занимали бы какой-то уголок – картины, в которой было бы достаточно глубины красок и обилия деталей для того, чтобы разжечь воображение; в которой была бы та приверженность науке, которую требует любой здоровый интеллект, и то четкое изображение космического единства и цели, одному которому и под силу удовлетворить сердце. Эта книга – грубый эскиз такой картины.

Важно не столько то, что мы говорим о вселенной, сколько то, что мы принимаем как должное. Например, когда сэр Артур Кит проводил (очень необходимое) различие между поведением наций и поведением составляющих их личностей, он говорил, что если последними управляет «этический» кодекс, то первыми управляет «космический» кодекс – кодекс безжалостной силы и «субчеловеческого» эгоизма. (*Эссе о человеческой эволюции*, XXIV, XXV.) Обратите внимание на предположение о природе космоса (Я должен добавить, что антитезис между «космическим» и «этическим» взят у Т.Х. Хаксли).

Теперь что касается ее подачи. Не знаю причины, по которой серьезные книги на философские темы не могут читаться настолько легко, насколько позволяет заданная тема⁸. Соответственно, я старался использовать выражения, которые были бы понятны образованному неспециалисту, и снабдил текст многими схемами, используя их, как мне кажется, на новый лад. На самом деле, несомненно, что усвояемость книги будет в первую очередь зависеть от степени расположенности читателя, чем от любого другого фактора. Также будет иметь значение, визуал ли читатель.

Некоторым вся эта графика больше мешает, чем помогает – для таких читателей текст был написан таким образом, что (с некоторыми исключениями) его можно читать, не обращаясь к схемам; другим схемы могут точно так же помочь читать книгу, как помогли мне ее писать; некоторым они, быть может, предложат новую область для исследования. Для них есть приложение.

Причина диалогов, разбросанных по всей книге – между моим бездумным и здравомыслящим «я» (З) и моим философским «я» (Ф), – в том, что мышление естественным образом принимает подобную форму. Мысль, как заметил Платон, – это диалог души с самой собой⁹. И хотя в ходе этого внутреннего разговора З часто побеждается Ф, оно никогда не побеждается окончательно и восстанавливается вновь и вновь, чтобы сыграть необходимую роль. Я хочу заявить, раз и навсегда, что никто, и, конечно же, не философ, не может позволить себе отказаться от этой безнадежно нефилософской части себя.

Совет о том, как читать эту книгу: я должен предупредить читателя, что не стоит читать урывками. Это может лишь ввести в заблуждение, так как план работы грубо диалектичен. Сведения из более ранних глав позже видоизменяются, а чтобы понять более поздние главы, нужно прочитать предыдущие. Необходимо читать все целиком¹⁰. Многое заставит моих чита-

⁸ Новый стандарт для простой, но отнюдь не поверхностной философской литературы, был установлен книгой *Свобода в современном мире* Джона Макмарри. К своему удивлению, профессор Макмарри обнаружил, что его попытки избежать специализированной терминологии философов принесли большие философские плоды, т. к. этот побудило его обдумывать многое из того, что он принимал как должное. Он был вынужден стать «не поверхностным, а приобрести более глубокое осознание собственного значения». В некоторой мере это было и моим опытом, хотя я не могу претендовать на ясность и логичность Макмарри.

⁹ То, что Йейтс (*Essays*, с. 492) говорит о поэзии – что мы создаем ее из споров с самими собой, – также, безусловно, относится и к философии. «Так как человек», по словам Паскаля, «ведет внутренний диалог с самим собой, и ему следовало бы его хорошо регулировать» («Мысли»). Р.Г. Коллингвуд настаивал на том, что настоящая «единица мысли» – это не предложение, а вопрос с ответом на него. Сократ внутри каждого из нас – вот что имеет первостепенную важность. См. «Автобиографию», V. Коллингвуда.

¹⁰ Однако рядовому читателю я советую не читать приложения к главам во время первого прочтения. Эти приложения не

телей прерваться, но, как сказал Спиноза, «Я молю их, чтобы они следовали за мной мягко и не сформировали об этом определенного мнения, пока не прочли все»¹¹.

Луис Макнис говорит нам, что «...монолог – смерть языка, и что один лев является менее самим собой и менее живым, чем собака и еще одна собака».

Несмотря на это, существует очень утонченный вид ума, для которого большая часть того, о чем я говорю, останется бессмыслицей. Я знаю ценность ментальности, которой не нужно размышление. Ведь именно интеллектуальному аскету, с его пристальным вниманием к деталям, отказывающемуся делать больше одного шага за раз в сторону от имеющихся данных, я обязан многой информацией, на которой основаны построения, которые он отвергает в лучшем случае как преждевременные. На это я могу ему ответить, что наши позиции дополняют друг друга¹² и что есть столь же глубокая и практичная потребность в широкомасштабных структурах мышления, как и в их строительном материале. Пусть он позволит мне выполнять свою функцию так же, как я позволяю ему выполнять его. Бессмысленно указывать мне, что я потерпел в ней неудачу. Я и так это знаю. Нужны конструктивные предложения. Как говорил китайский мудрец, «Человек, который критикует других, должен быть в состоянии предложить свое решение. Критиковать, не имея альтернативы – то же самое, что тушить огонь огнем»¹³.

Есть еще один тип читателя, который слишком охотно примет на веру многое из того, о чем я говорю. Я имею в виду ленивого умом и интеллектуально недисциплинированного читателя, склонного творить себе кумиров и создавать их культ, читателя, который, будучи не готовым к долгому прокладыванию пути к желанной цели через неумолимые факты, пытается достичь ее одним махом. Но, в действительности, быстрое продвижение ни к чему не приводит, и ничего стоящее не дается без труда, терпения и смирения. Размышляйте о человеке и вселенной (без такого размышления человек не был бы самим собой), но пусть это будет осведомленное, а не праздное, размышление. Предупреждение Гераклита о том, что «люди, которые любят мудрость, должны поистине иметь понятие об очень многих вещах»¹⁴, сегодня актуально как никогда.

Д-р Ф. Шервуд Тейлор не недооценивает ни объем, ни срочность задачи, когда пишет: «единственная надежда мира – на объединение религиозного, философского и научного взгляда в одну всеобъемлющую точку зрения. И я хотел бы подчеркнуть, что это объединение не было осуществлено и что его осуществление – самая срочная из задач для тех, кто желает людям добра»¹⁵. Мы должны провести синтез. Научные джунгли нуждаются в укрощающей руке мыслителя и святого. С другой стороны, философия может найти в бурном росте современной науки именно ту пищу, которую она должна иметь для дальнейшего роста, тогда как религия найдет в ней необходимое ей слабительное и тонизирующее средство. Д-р Инге говорит нам, что задача этого века – одухотворить науку¹⁶: я бы также добавил, что она и в том, чтобы «интеллектуализировать» религию. В обеих задачах у философии огромные возможности и огромная ответственность. Последующие страницы являются попыткой выполнить лежащую на мне долю ответственности¹⁷.

особенно изобилуют технической информацией и не особенно сложны, но в них затрагиваются более тонкие моменты.

¹¹ *Этика*, II. xi.

¹² Я не согласен с Швейцером, что «Цель всей философии – побудить нас, как думающих существ, понять, как нам выработать умное и интимное отношение к вселенной» («Гете»); я считаю, что в этом, по крайней мере, лишь половина цели философии, которая также включает в себя исследование природы вселенной и места человека в ней.

¹³ Мо-Цзы, XVI.

¹⁴ Барнет, *Философия древних греков*, с. 137.

¹⁵ *The Scientific World-Outlook in Philosophy*, ноябрь, 1947, с. 207.

¹⁶ *Christian Mysticism* (1899), с. 322.

¹⁷ «Философия теперь должна вернуть нам, путем трансцендентального воображения, форму и схему внешнего мира –

И, наконец, я хотел бы подчеркнуть, что у меня нет запаса лекарств собственного изобретения или облегчающих жизнь приспособлений. Я не могу предложить простого пути наружу или вовнутрь, никакого краткого пути к блаженству, никакой философии без слез, никакого нового Евангелия. Я могу обещать лишь некоторые древние учения в современных облачениях – учения, которые сложные просто потому, что они простые, и которые нужно применять в жизни, чтобы их понять – вместе с несколькими старыми рецептами надежды и уверенности в себе. То, что является только новомодным, столь же бесполезно, как и то, что является только традиционным. Мы должны идти вперед к новым идеям и назад к старым, мы должны изучить факты науки и пробудиться тому, чему учит религия. Подлинный прогресс – не одностороннее движение от настоящего в будущее, а симметричное расширение настоящего в сторону прошлого и в сторону будущего, так что мы в каком-то смысле преодолеваем время. Д.Х. Лоуренс, безусловно, прав, когда говорит: «Каждое глубокое новое движение также делает большой мах назад, к какому-нибудь старому, полузабытому способу сознания»¹⁸.

Примечание об отношении данного исследования к метафизике, науке и логическому позитивизму¹⁹

В чем задача современного философа? Логические позитивисты²⁰, отвергающие одну из его традиционных функций как придумывание всякой метафизической чепухи, и другую – как незаконное вторжение в сферу науки, оставляют ему лишь крошечную долю его работы. Профессор Айер пишет: «Утверждения философии являются не фактическими, но лингвистическими по характеру – то есть, они не описывают поведение физических или даже ментальных объектов; они содержат определения или же отражают формальные последствия этих определений. Соответственно, можно сказать, что философия – раздел логики»²¹. И мнение, что философия – своего рода умозрительное знание, существующее параллельно со специальными науками познания, – ошибочно. «Те, кто так считает, лелеют веру, что в этом мире существует то, что является возможным объектом умозрительного знания и вместе с тем находится за пределами эмпирической науки. Но подобная вера – заблуждение. Нет такой сферы опыта, которую, в принципе, нельзя было бы подвести под какой-либо закон науки. И нет такой разновидности умозрительного знания о мире, которое, в принципе, наука не в состоянии дать»²².

Я вовсе не отрицаю пользу большей части критики логическими позитивистами метафизических структур мысли или их попытки избавляться от всякого мусора²³. И г-ну Айеру

мира, которого, в эпоху анализа, она все больше лишала наши души, обедняя их; и эта задача требует сочетания реализма и религиозного чувства...» (Арланд Ашер, журнал *The Listener*, 11 сентября, 1947). См. Рональд Нокс: «Нашей эпохе нужен великий философ; тот, кто может пробираться, шаг за шагом, через сложный лабиринт мышления, которым вели ученых...; тот, кто одновременно может держать свой ум открытым для восприятия всех метафизических последствий всего того, что он усвоил, и, наконец, собрать все наши имеющиеся знания вместе в один огромный синтез. Он должен быть в состоянии смотреть через телескоп, рассматривать через микроскоп, с умом, который никогда не отворачивается от того великого Источника всего сущего, который есть наше Начало и наш Конец». (*God and the Atom*, с. 98.).

¹⁸ *Apocalypse*, с. 56.

¹⁹ Советую рядовому читателю опустить это приложение во время первого прочтения.

²⁰ См., например, Людвиг Витгенштейн, *Логико-философский трактат* («Цель философии – логическое прояснение мыслей»); Бертран Рассел, *Наши знания о внешнем мире, II*; А.Дж. Айер, *Язык, истина и логика*. Более поздней периодической литературы огромное количество.)

²¹ Цитируемое ранее произведение, с. 57.

²² А. Дж. Айер, цитируемое ранее произведение, с. 48.

²³ Хотя в данной книге я как можно ближе придерживаюсь эмпирической информации, все же не могу полностью избежать «метафизических» вопросов. Так как я считаю, что 1) любая серьезная дискуссия включает обсуждение природы «высокой материи», и что подобные предположения лучше допускать; 2) хотя наиболее всеобъемлющие и наименее всеобъемлющие аспекты вселенной покрыты мраком, привычные промежуточные аспекты всё же дают нам кривые, которые можно экстраполировать применительно к обеим крайним точкам и получить достаточно приемлемые гипотезы; 3) что такие гипотезы можно проверить эмпирическим путем, когда поэт и почитатель прибегают к помощи мыслителя, и особенно когда все трое

нельзя отказать в праве называть философию разделом логики. Тем не менее, подобное определение кажется мне ненужным отступлением от общепринятой формы употребления. Кроме того, это оставляет без внимания небольшую, но не лишнюю категорию людей, которые, не являясь ни учёными, ни метафизиками, тем не менее, хотят усвоить основные выводы специальных наук и, не обращая внимания на междоусобицы барьеры, найти более широкомасштабную картину.

Логические позитивисты ответили бы (как я думаю), что, так как эта интеграция не является вопросом ни метафизики (т. е. особого рода бессмыслицы), ни логического анализа (т. е. соответствующий философии), она является делом науки, в которую философ не имеет права вмешиваться. В идеале, быть может, это и так: Т.Х. Хаксли определил науку как «любое знание, которое базируется на доказательствах и рассуждении», а д-р А. Хилл идет еще дальше и заявляет, что «все разумное знание – наука». Но я думаю, ясно, что, во-первых, наука проявляет мало признаков того, что она взялась за это дело самоинтеграции; во-вторых, что, из-за его неизбежной и необходимой специализации, отдельно взятый ученый вряд ли подходит для этого дела; в-третьих, что метод работы пока не может быть точным или «научным» (и неизвестно, сможет ли таковым быть когда-нибудь) и вынужден быть беспорядочным, умозрительным и условным; в-четвертых, что проект, тем не менее, стоящий и даже важный. Таким образом, я считаю, что до тех пор, пока наука не сможет взять бразды правления (предполагая, что такое время может настать), есть потребность в более или менее неметафизической философии, чьи предложения являются фактологическими, а не лингвистическими. Не имея такой философии, мы буквально засыпаны огромным количеством несогласованной информации о себе и о вселенной. Для многих людей такое положение дел невыносимо – с интеллектуальной и эстетической точек зрения.

Ч.Д. Броуд (*Philosophy*, Oct. 1949, сс. 292–293) замечает, что «если мы будем судить о том, чем философия является по тому, что великие философы сделали», то нужен синопсис – «нужно намеренно рассматривать вместе те аспекты человеческого опыта, которые, по той или иной причине, и простой человек, и профессиональный ученый обычно отделяют друг от друга».

Конечно, можно ответить, что на самом деле для той философии, которую я предлагаю, нет никакой работы, или что эта работа, хотя и нужная, слишком трудная, чтобы быть успешной. Настоящая книга и есть мой ответ на эти возражения. Хотя я и не надеюсь, что какой-нибудь читатель согласится со всем, что я говорю, во всех подробностях, я могу утверждать, что покажу: 1) что грядут новые важные утверждения о природе вселенной (утверждения, которые с одной стороны, не являются бессмыслицей, с другой – не являются тавтологией; которые не принадлежат ни к какой конкретной отрасли науки, и, тем не менее, имеют эмпирическую основу); 2) что некоторые из этих утверждений могут предлагать новые и результативные пути исследования в специальных науках; 3) что подобное перекрестное оплодотворение существующих наук может привести к рождению новой науки или наук. Позвольте мне привести один пример. На следующих страницах я показываю, что, кроме физических, химических и биологических единиц, которые являются нашим научным арсеналом, также существуют несколько видов объектов, которые являются конкретными материальными вещами²⁴, предлагая огромное количество эмпирических доказательств относительно своей природы. Ученый их игнорирует, т. к. из-за своих временных параметров они находятся за пределами его поля зрения:

объединяются в мистике. Это чистый догматизм – говорить, что аналитический интеллект – единственный инструмент для получения истины и что никто не может научиться пользоваться другими инструментами.

²⁴ Я принимаю позитивистскую сентенцию, что «материальные вещи можно уменьшить до их чувственного содержания» (постольку, поскольку они являются материальными вещами). См. Айер, цитируемое ранее произведение, с. 69.

«видимое настоящее», которое он к ним применяет, слишком коротко, чтобы их вместить²⁵. Иными словами, они для него не существуют, т. к. он не дает им времени существовать: он разрушает их основополагающий характер, разделяя их время. Вот это и есть работа для философа – рассмотреть и изучить многочисленные подклассы физических (или скорее психофизических) единиц, чей единственный недостаток – в том, что их «минимальное время» (время, которое им нужно, чтобы быть самими собой) немного больше, нежели то, что наука пока готова принять. По крайней мере, в этом случае ограниченность науки и здравого смысла требуют, чтобы философия сделала как раз то, что профессор Айер заявляет, что она сделать не сможет, – она должна предоставить «знание реальности, которое превосходит мир науки и здравого смысла»²⁶

²⁵ Я не хочу сказать, что наука и здравый смысл не учитывают более длительные периоды времени – очевидно, что они их учитывают, но после достаточно условного предела игнорируют внутреннее единство и непрерывность таких периодов, их бергсоновскую «длительность». Мы допускаем, что у световых волн, атомов, молекул и даже людей есть тот минимум неразделенного времени, который нужен каждому, чтобы плести свой характерный узор: но, весьма непоследовательно, мы на этом останавливаемся. И таким образом большие аспекты вселенной от нас ускользают.

²⁶ Цитируемое ранее произведение, с. 33.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.